

Министерство Просвещения РСФСР
МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. Н. К. КРУПСКОЙ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том LVI

ТРУДЫ
КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ

Выпуск четвертый

ИЗДАНИЕ МОПИ
МОСКВА—1957

0485/58

Ф1

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. Н. К. КРУПСКОЙ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том LVI

ТРУДЫ
КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ

Выпуск четвертый

Дом Плеханова
№ 10076

4

ИЗДАНИЕ МОПИ
МОСКВА—1957

Дом Плеханова
№ 41

82

И. М. ПАНЮШЕВ

ЛЕНИНСКАЯ ОЦЕНКА ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДСТВА Г. В. ПЛЕХАНОВА.

Идейное наследство Г. В. Плеханова огромно и многосторонне. Г. В. Плеханов вошел в историю марксизма не только как организатор первой русской марксистской социал-демократической группы «Освобождение труда», но и как талантливый пропагандист и защитник теории марксизма, как крупный историк общественной мысли и философии, как литературовед и замечательный полемист. Вместе с тем идейное наследие Плеханова сложно и противоречиво. С одной стороны, Плеханов беспощадно боролся с ревизионизмом, бичевал отступления от марксизма и материализма, с другой — софистически приспособлял марксизм для обоснования оппортунистической политики и тактики и, следовательно, ревизовал существо марксизма. В своих работах Плеханов талантливо обосновывал и разъяснял диалектический и исторический материализм, но в то же время допускал ошибки в толковании ряда проблем марксистской философии.

Правильная, марксистско-ленинская оценка идейного наследия Плеханова и, в частности, его философского наследия — дело очень сложное. Она возможна только в том случае, если рассматривать взгляды Плеханова в развитии и если сопоставить их с логикой классовой борьбы, с практикой революционного движения. Именно так подходил к оценке взглядов Г. В. Плеханова на различных этапах их развития В. И. Ленин. Отдавая должное его громадным заслугам перед русским и международным рабочим движением, высоко оценивая его роль в борьбе с народничеством, с ревизионизмом в обосновании и защите марксизма, В. И. Ленин вместе с тем постоянно подвергал принципиальной критике его ограниченность и слабые стороны, его политические шатания и теоретические ошибки.

Плеханов был одним из выдающихся теоретиков марксизма. Но он был теоретиком типа II Интернационала.

Ценным и наиболее плодотворным является доменьшевистский период деятельности Плеханова. В. И. Ленин подчеркивал, что недопустимо смешивать Плеханова — автора «Очерков по истории материализма», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» с Плехановым-меньшевиком, с Плехановым-оборонцем, с Плехановым, превращавшим диалектику в софику.

В статье «Об авантюризме» Ленин отмечал, что за 20 лет, т. е. с 1883 по 1903 г. Плеханов дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников (см. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 333).

* * *

Общественно-политическую и публицистическую деятельность Плеханов начал революционным народником. Однако весь ход развития общественной жизни и освободительного движения, а также изучение международной социалистической литературы убедили его в том, что народничество не может быть знаменем и теорией революционного движения. В результате он одним из первых в истории русского освободительного движения порвал с народническими иллюзиями и перешел на позиции марксизма. Организовав в 1883 г. группу «Освобождение труда», Плеханов вместе со своими единомышленниками принял за систематическую пропаганду идей марксизма. Этим самым Плехановская группа «Освобождение труда» теоретически прокладывала путь к социал-демократическому рабочему движению.

Энгельс очень высоко оценивал деятельность группы «Освобождение труда». В письме к В. И. Засулич он писал: «Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь громадное значение для развития революционного движения в России» (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 1951, стр. 309).

Пропаганду марксистской теории Плеханов с самого начала сочетал с беспощадной критикой экономических, политических и теоретических взглядов народников. Заслуга Плеханова состояла в том, что реакционным теориям народников об особом, «самобытном» пути развития России он противопоставил марксистское решение вопроса о перспективах экономического развития России и с дальнейших судьбах русского революционного движения. На основе анализа и обобщения данных о хозяйственной жизни России пореформенного периода Плеханов показал, что вопрос о том, должен или не должен развиваться в России капитализм, является абсурдным, так как он уже решен конкретной историей и Россия развивается как страна капиталистическая.

А если так, то народнические иллюзии об особом, некапиталистическом пути развития России, их рассуждения об общине как основе будущего социалистического общества являются реакционной утопией, попыткой остановить и повернуть вспять колесо истории. Плеханов едко высмеял народническую «философию русской истории»,

из которой логически вытекал вывод о том, что застой и экономическая отсталость являются будто бы самыми надежными союзниками социалистического переворота.

В борьбе с народничеством Плеханов обосновал полную применимость марксизма к анализу русской действительности и к решению вопроса о перспективах революционного движения в России.

Плеханов доказывал, что коммунистическая революция вырастет не из мелкобуржуазного социализма народников, не из полуфеодальной крестьянской общины, а на путях разрешения тех противоречий, которые порождаются капитализмом, и ее творцом может быть только рабочий класс. Поэтому все усилия истинных социалистов и революционеров, строящих свою деятельность в соответствии с тенденцией общественно-исторического развития, должны быть направлены на организацию социал-демократической рабочей партии.

«...Возможно более скорое образование рабочей партии,— писал Плеханов, — есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию» (Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 349).

В соответствии с этими марксистскими позициями в решении коренных вопросов революционного движения Плехановым были составлены проекты программ русской социал-демократии. Несмотря на то, что эти программы страдали серьезными недостатками и ошибками, они сыграли важную роль в истории зарождения и формирования русского социал-демократического движения.

Плеханов развернул также острую критику философско-теоретических взглядов народничества. Огромное место занимают в работах Плеханова критика субъективно-идеалистической социологии народников, защита и обоснование материалистического понимания истории. Можно без преувеличения сказать, что вопросы материалистического понимания истории в период борьбы с народничеством, да и на последующих этапах, находились в центре внимания Плеханова. Проблемы марксистской философии освещались Плехановым, как правило, под углом зрения их отношения к общественной жизни и их значения для практики революционного движения.

Субъективная социология народников являлась разновидностью идеалистического взгляда на историю, причем разновидностью идеализма худшего толка.

Народники игнорировали объективные закономерности общественного развития. Они подходили к истории не с точки зрения того, что есть, а с точки зрения категории должного, с точки зрения крошечного идеала критически-мыслящей личности. Отсюда вытекало нелепое противопоставление народниками «героев», критически мыслящих личностей «толпе», народу. Критически мыслящая личность, создающая свой абстрактный надисторический идеал, изображалась ими главным архитектором и творцом истории, а народ — косной, инертной массой, которая способна играть лишь роль глины в творческих руках критически мыслящей личности.

Плеханов подверг резкой и аргументированной критике субъективизм народников в объяснении общественно-исторического развития. Плеханов показал, что беспощадным врагом и разоблачителем подобного отвратительного интеллигентского самомнения, популяризаторами которого являются народники, был Маркс, создавший материалистическое понимание истории. С точки зрения материалистического понимания истории нелепо противопоставлять «героя» народу, ибо вся история делается людьми, массой, народом. Общественный человек, подчеркивал Плеханов, является единственным фактором истории. В процессе производства народ создает свои общественные отношения, но он создает их не по произволу и не по надуманным рецептам критически мыслящих личностей. В развитии общественно-экономических отношений существует своя логика, свои закономерности. Никакая критически мыслящая личность, никакой великий человек не может навязать обществу такие отношения, которые или уже не соответствуют уровню развития и состоянию производительных сил или еще не соответствуют им.

В связи с этим Плеханов подробно останавливается на разъяснении коренного положения исторического материализма о том, что производство материальных благ составляет основу всей человеческой истории.

Чтобы производить, люди должны стать в известные отношения к природе. Но этого мало. Общественный процесс производства предполагает также и отношения между людьми. Люди не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности, не вступая в определенные производственные отношения, которые в свою очередь зависят от уровня развития и состояния производительных сил. Совокупность данных производственных отношений образует экономическую структуру общества, основу или базис, над которым вырастает общественно-политический строй и вся духовная жизнь общества.

Плеханов подчеркивал, что только благодаря такому подходу Маркс впервые установил закономерный характер истории человечества и подвел под общественную науку прочную материалистическую основу.

Плеханов опроверг клеветнические измышления народников относительно того, что признание марксизмом исторической закономерности, объективной необходимости будто бы ведет к отрицанию роли личности и свободной деятельности человека. Наоборот, именно субъективная социология народников с ее мнимым радикализмом является логической основой фатализма и ведет к проповеди пассивности и бездеятельности. Если не существует объективных законов общественного развития, в соответствии с которыми человек строил бы свою деятельность, то не может существовать и никакого объективного мерила для проверки идеала критически мыслящей личности и никаких гарантий в том, что этот идеал будет осуществлен.

«Когда субъективный мыслитель говорит: *«мой идеал»*, писал Плеханов, — он тем самым говорит: *торжество слепой необходимости*

сти. Субъективный мыслитель не умеет обосновать свой идеал на процессе развития действительности; поэтому у него тотчас же за стенами крошечного садика идеала начинается необъятное поле случайности, а следовательно, и слепой необходимости. Диалектический материализм указывает те приемы, с помощью которых все это необъятное поле можно превратить в цветущий сад идеала. Он прибавляет только, что средства для этого превращения скрыты *в недрах самого этого поля, что надо только найти их и уметь воспользоваться ими»* (Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 245).

В своих работах Плеханов раскрывает, что марксизм, материалистическое понимание истории не только не отрицает роли личности, но впервые с естественно-научной точностью указывает на ту реальную основу и те границы, опираясь на которые общественный человек действительно может проявить инициативу и стать сознательным творцом истории.

Великий человек не тем велик, что он будто бы поступает по произволу, а тем, что осознает историческую необходимость и соотносит с ней свою деятельность. Сила великого человека, его огромная роль определяется тем, что он видит дальше других и хочет сильнее других. Действительная свобода, таким образом, состоит не в вымышленной независимости от объективных закономерностей, а в умении сообразовать свою деятельность с законами развития, с потребностями материальной жизни общества, с интересами передовых общественных классов.

Плеханов энергично подчеркивал, что марксизм впервые разрешил конфликт между идеалами и действительностью, свободой и необходимостью и поэтому он является прежде всего философией действия.

«И против этой-то теории, — с возмущением писал Плеханов, — которая впервые прочно обосновала права человеческого разума, которая впервые стала рассматривать разум не как бессильную игрушку случайности, а как великую непреодолимую силу, восстают во имя, будто-бы, поправленных ею прав того же разума, во имя, будто-бы, пренебрегаемых ею идеалов! И эту теорию смеют обвинять в квиэтизме, в стремлении примириться с окружающим, чуть ли не подделываться к нему, как Молчалин подделывался ко всем, кто был выше его чином! Поистине можно сказать, что здесь с большой головы сваливают на здорovou» (Г. В. Плеханов, Соч. т. VII, стр. 244—245).

В борьбе с народничеством Плеханов защитил одно из коренных положений исторического материализма, положение о том, что действительным творцом истории является народ, трудящиеся массы, производители материальных благ и поэтому задача революционной партии состоит в том, чтобы развивать самосознание народа, передовых общественных классов, делать их сознательными историческими деятелями.

«Современный диалектический материализм, — подчеркивал Плеханов, — стремится к устранению классов; он и появился тогда,

когда это устранение сделалось исторической необходимостью. Поэтому он обращается к производителям, которые должны сделаться героями ближайшего исторического периода. Поэтому, в первый раз с тех пор, как наш мир существует и земля обращается вокруг солнца, происходит сближение науки с работниками; наука спешит на помощь трудящейся массе, трудящаяся масса опирается на выводы науки в своем сознательном движении» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 247).

Особое внимание уделял Плеханов разоблачению клеветнических попыток народников, ревизионистов и других врагов марксизма представить исторический материализм разновидностью вульгарного экономического материализма.

Разъясняя сущность материалистического понимания истории, Плеханов подчеркивал, что историческая теория Маркса вовсе не отрицает роли и значения идейных факторов в общественном развитии, но лишь научно объясняет их происхождение. На основе большого фактического материала из истории права, литературы и т. д. Плеханов раскрыл, что политика, право, мораль и другие формы общественного сознания, возникая на основе тех или иных экономических отношений, затем активно воздействуют на весь последующий ход исторического развития.

Только такое понимание исторического процесса позволило марксизму научно обосновать огромную мобилизующую роль передовых идей и теорий. Всякий класс, который стремится к своему освобождению, всякая политическая партия, которая хочет направлять движение, могут выполнить свою миссию лишь в том случае, если будут руководствоваться передовой общественной теорией. «... Без революционной теории, писал Плеханов, нет революционного движения в истинном смысле этого слова» (Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 71).

Плеханов очень удачно говорил о том, что революционная теория действует сильнее любых взрывчатых веществ в мире. Такой теорией, придерживаясь которой рабочий класс и его партия успешно могут решить стоящие перед ними задачи, является марксизм.

Подчеркивая зависимость общественного сознания от экономических отношений, Плеханов в то же время справедливо предостерегает от грубого, непосредственного, автоматического выведения из экономики всех форм общественного сознания, всех идеологических образований со всеми их нюансами и индивидуальными особенностями. Психология общественного человека, его умонастроение в каждую эпоху в конечном счете определяется данными экономическими условиями. Но она формируется в процессе сложного переплетения и взаимодействия различных сторон общественной жизни, исторических условий, традиций и т. д. При изучении истории мысли нельзя отвлекаться и от относительной самостоятельности идеологии.

Возражая критикам и вульгаризаторам марксизма, Плеханов подчеркивал, что ни один из сторонников материалистического понимания истории никогда не пытался объяснить одной лишь экономикой всю сложность, все особенности идеологических явлений.

Для того чтобы разобраться в истории идеологий, для того чтобы понять, почему, скажем, литература, философия или искусство в ту или иную эпоху принимают именно эту конкретную форму, именно эту специфическую окраску, недостаточно знать только экономическую структуру, а надо уметь от экономики перейти к общественной психологии¹.

В то время, когда народники, ревизионисты и буржуазные профессора изображали материалистическое понимание истории учением односторонним, вульгарным, учитывающим будто бы лишь **экономический** фактор, теоретические положения, обоснованные Плехановым, имели огромное значение в разъяснении существа марксизма.

Но когда сторонник материалистического понимания истории говорит о необходимости изучения всех сторон общественной жизни, то это не означает, что он стоит на позициях метафизической и идеалистической теории «взаимодействия факторов».

Сначала общественное целое метафизики и идеалисты рассекают на его составные части или стороны, а затем каждую из этих сторон выдают за некий самостоятельный фактор, который будто бы тянет историю по пути прогресса. Такие формы деятельности общественного человека, как экономика, право, мораль, искусство и т. д. метафизик превращает в особые силы, из взаимодействия которых якобы складывается общественная жизнь.

Плеханов показал, что с помощью этой теории нельзя объяснить истории. С помощью этой теории нельзя сколько-нибудь удовлетворительно ответить на вопрос о том, какова природа взаимодействующих сил, на какой основе совершается взаимодействие. Сторонники материалистического понимания истории, подчеркивал Плеханов, исходят не из этой теории, а из синтетического взгляда на общественную жизнь.

Марксистское, материалистическое понимание истории не ограничивается ссылкой на взаимодействие факторов, а раскрывает соотношение различных сторон общественной жизни.

¹ В рецензии на книгу А. Лабриолы «Очерки материалистического понимания истории» Плеханов следующим образом разъяснял свое понимание общественной психологии или, как выражается он в работе, «Основные вопросы марксизма», психики общественного человека: «Это не значит, конечно, что существует какая-то общественная душа или какой-то коллективный народный «дух», развивающийся по своим особым законам и выражающийся в общественной жизни. «Это чистейший мистицизм», говорит Лабриола. Для материалиста в данном случае речь может идти только о преобладающем настроении чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени. Такое настроение чувств и умов является результатом общественных отношений» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 250—251).

Политика, право, мораль и другие идеологические формы являются не какими-то самостоятельными сущностями, а различными проявлениями деятельности общественного человека, которые зависят от характера экономических отношений, от способа производства материальных благ.

Общая принципиальная постановка Плехановым вопроса о том, что при изучении идеологий необходимо учитывать всю совокупность общественной жизни, безусловно правильна. Она предостерегала и предостерегает от вульгаризации марксизма. Но при этом Плеханов схематизировал процесс развития идей, преувеличивал, раздувал общественно-психологическую сторону этого процесса.

Исходя из общественной психологии, Плеханов пытался подчинить процесс развития идеологий формальному принципу, согласно которому «идеологи одной эпохи — *или* идут по следам своих предшественников, развивая их мысли, применяя их приемы и только позволяя себе «соперничать» с ними, *или* же они восстают против старых идей и приемов, *вступают в противоречие с ними*» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 213).

Такие работы Плеханова, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др., сыграли большую роль в победе марксизма над народничеством. В работах Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» впервые в истории русского революционного движения идеи марксизма были изложены в систематической форме и со всеми вытекавшими из них практическими выводами. Они помогли передовым людям той эпохи освободиться от лжесоциалистической народнической идеологии и встать на позиции действительно революционного и научно-материалистического мировоззрения — марксизма. Ленин отмечал, в частности, что на работе Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» воспитывалось целое поколение русских марксистов.

Вместе с тем работы Плеханова страдали некоторыми серьезными недостатками.

Плеханов отступал от материалистического понимания истории, когда утверждал, что марксистское учение о классовой сущности государства «едва ли выражает полную истину» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 252). Уже в этот период у Плеханова намечаются элементы немарксистского истолкования природы русского самодержавного государства как силы якобы стоящей над классами. Эта меньшевистская концепция о надклассовости русского самодержавного государства всесторонне впоследствии была обоснована Плехановым в «Истории русской общественной мысли».

Плеханов вполне обоснованно уделял столь большое внимание в своих работах выяснению роли географической среды. Заслуга Плеханова состояла в том, что к решению вопроса о роли географической среды он подходил конкретно. Но при решении этого вопро-

са Плеханов в некоторых случаях преувеличивал роль географической среды. Так, Плеханов ошибочно заявлял, что основные положения философии истории Мечникова являются материалистическими. Нельзя, в частности, согласиться с утверждением Плеханова о том, что «при данных природой условиях человеческого существования деспотизм, разделение общества на классы, угнетение одного класса другим и все подобные этому черные стороны цивилизации необходимы для ее развития» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 22).

В последующие годы, т. е. в период меньшевизма преувеличение Плехановым роли географической среды нашло свое выражение в его «Истории русской общественной мысли», в которой своеобразно общественно-политического развития России Плеханов пытался вывести вслед за Соловьевым из особенностей природных условий.

Но дело не только в этих ошибках. Дело в том, что уже с самого начала, т. е. еще в период борьбы с народничеством, у Плеханова обозначился своеобразный подход к решению конкретных вопросов, своеобразная методология, которая постепенно разрасталась и впоследствии стала теоретической основой его политического оппортунизма.

Критикуя экономические и политические взгляды народников, Плеханов доказал, что в России уже развивается капитализм и задача социал-демократов состоит в том, чтобы строить свою деятельность в соответствии с этими сдвигами общественной жизни России.

Однако Плеханов не сумел вскрыть особенностей русского капитализма, а без этого невозможно было наметить и конкретные задачи русской социал-демократической партии. Вместо марксистского анализа конкретного, именно русского, капитализма, Плеханов говорит о капитализме вообще, о его прогрессивно-исторической роли по сравнению с феодализмом, а «свойства», особенности русского капитализма пытается вывести, как отмечал Ленин, из общего понятия капитализма. Уже здесь, следовательно, сказался схематизм и абстрактность Плеханова в понимании существа марксизма. Этот абстрактно-логический подход Плеханова к решению практических вопросов Ленин вскрыл в своих замечаниях, а затем и в своем отзыве о втором проекте программы, составленном Плехановым.

«1) «По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, — писал Ленин, — этот проект дает не программу пролетариата, *борющегося* против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического *учебника*, посвященного капитализму вообще. 2) В особенности непригодна программа для партии *русского* пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные

бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще» (В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 41).

Плеханов талантливо обнажил несостоятельность народничества как теории освободительного движения и как теории социализма. Однако его критика народничества была также неполной и отвлеченной. Плеханов не смог вскрыть классовых основ идеологии народничества и ограничился лишь сопоставлением идей народничества с идеями марксизма. «Было бы отступлением от материалистического метода, — писал Ленин, — если бы я, критикуя воззрения «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их **МАТЕРИАЛЬНОЕ** основание в современных наших общественно-экономических отношениях» (В. И. Ленин, Соч. т. 1, стр. 216). В народничестве Плеханов усмотрел только неверную реакционную теорию социализма, но просмотрел его классовое, мелкобуржуазное, демократическое содержание. «Ошибка некоторых марксистов, — писал впоследствии Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции», — состоит в том, что, критикуя теорию народников, просматривают ее исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством. Критикуют и справедливо критикуют «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой, революционный мелкобуржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России» (В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 214).

Высоко оценивая заслуги Плеханова перед русским и международным социалистическим движением, Ленин вместе с тем не раз подвергал суровой критике несостоятельность методологии Плеханова при решении конкретных вопросов. Абстрактность и схематизм, стремление найти готовый ответ в марксизме на все вопросы, выдвигаемые жизнью, практикой революционного движения, не позволили Плеханову разобраться в особенностях новой исторической эпохи, в новых условиях классовой борьбы и, в частности, в особенностях развития русской революции.

Ленин не раз отмечал, что одним из центральных пунктов меньшевизма было непонимание экономической сущности русской буржуазно-демократической революции, непонимание того, что аграрный вопрос, т. е. борьба широких масс крестьянства за уничтожение крепостнических латифундий, составляет основу всего демократического переворота. Отсюда вытекала у меньшевиков, в том числе и у Плеханова, недооценка революционных возможностей крестьянства, непонимание роли и значения союза рабочего класса и крестьянства, как решающей силы демократической революции.

В годы первой русской революции Ленин беспощадно разоблачает тактический оппортунизм Плеханова, его стремление вывести

ответ на вопрос о движущих силах и перспективах русской революции не из конкретного анализа соотношения классовых сил, а из общего определения о буржуазном ее характере. «Конкретный анализ положения и интересов различных классов, — писал Ленин в 1907 г., — должен служить для определения точного значения этой истины (т. е. истины, что революция буржуазная. — И. П.) в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть оплошность марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом» (В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 10).

Точно так же и в годы первой мировой войны Плеханов обосновывал и оправдывал свой социал-патриотизм и оборончество путем софистических ссылок на те или иные высказывания Маркса, относившиеся к иной исторической эпохе, эпохе восходящего, прогрессивного развития капитализма. В связи с этим Ленин не раз указывал, что диалектика, требующая всестороннего и конкретного анализа действительности, превращается оппортунистом Плехановым в софистику и эклектику.

Абстрактность и схематизм явились методологической основой отрыва теории от жизни, от практики и насущных задач революционного движения.

В истолковании, в разъяснении, в иллюстрации принципов марксизма, как таковых, Плеханов обнаруживал огромный литературный талант, большую эрудицию и мастерство. Там, где надо было изложить марксизм, раскрыть внутреннее содержание того или иного теоретического принципа, Плеханов проявлял всю силу своего таланта и выступал марксистом. Но там, где необходимо было наполнить теорию марксизма конкретным содержанием, взятым из живой действительности, подойти под углом зрения марксизма к реальной жизни со всей ее сложностью и противоречивостью, там Плеханов проявлял свою слабость и не мог пойти дальше общих определений или выводов. Между тем отличительным признаком марксизма как раз и является его органическая связь с практикой. Марксизм требует самого всестороннего и глубокого изучения жизни, реальной обстановки, особенностей каждой исторической полосы. В противном случае общие положения или принципы марксизма неизбежно превращаются в мертвую надисторическую схему.

На эту особенность марксизма не раз указывали и Маркс, и Энгельс, и Ленин, на деле раскрывая, что их учение не догма, а руководство к действию. Плеханов также настаивал на этой особенности марксизма, требовал конкретности в решении вопросов, но сам реализовать это требование не смог.

Поэтому переход Плеханова на позиции меньшевизма есть не мгновенный акт, а результат обострения классовой борьбы, результат нарастания революции, перед которой он как теоретик, как тактик и как идеолог пролетариата, оказался беспомощным.

По мере того как развивалось революционное движение и все настойчивее выдвигалась задача выработки научно-обоснованной стратегии и тактики классовой борьбы в новых изменившихся условиях, по мере того как революция практически ставила одну проблему за другой и настойчиво требовала конкретизации принципов марксизма, Плеханов все больше и больше догматизировал марксистскую теорию и скатывался на позиции оппортунизма.

В силу того, что Плеханов не смог подойти к марксизму творчески, логика развития классовой борьбы отодвигала его все больше и больше вправо. Между тем у Ленина с самого начала был принципиально иной подход к существу марксистской теории. Для Ленина марксизм не некая схема, а методология научного исследования. Ленин не искал в марксизме готовых рецептов, годных на все времена, а заимствовал из нее те драгоценные приемы, с помощью которых можно исследовать действительность, понять особенности новой исторической эпохи. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное, — писал Ленин, — мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России (В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 191—192).

Так же смотрели на марксистскую теорию ее основоположники — Маркс и Энгельс. Они самым решительным образом возражали против превращения марксизма в универсальную философско-историческую отмычку.

Философские взгляды Плеханова нельзя отрывать от его политических позиций. Нельзя считать правильным, марксистским утверждение о том, что Плеханов-философ — это одно, а Плеханов — политик, тактик — другое. Между политическими и философскими его взглядами существует органическая связь и единство. Это единство существует, конечно, не в том смысле, что каждому политическому повороту Плеханова, каждому сдвигу в его политических взглядах в сторону оппортунизма соответствует какой-то определенный сдвиг или поворот в его философских взглядах. Думать так, значит впадать в вульгарный социологизм. Это единство выражается в том, что если к решению конкретных вопросов Плеханов подходил с определенных философско-теоретических позиций, то, с другой стороны, само понимание Плехановым философии

марксизма, ее роли и назначения обуславливалось его политическими позициями.

Политическая эволюция Плеханова в сторону оппортунизма и социал-шовинизма сопровождалась эволюцией его философских взглядов. По мере того, как Плеханов правел, в его взглядах все больше и больше начинали преобладать абстрактность, схематизм и логистика, отрыв теории от практики и т. д. Поэтому меньшевизм — явление не только политическое, но и философское, теоретическое.

* * *

Конец XIX и начало XX века характеризуются крупными сдвигами в области капиталистической экономики. Вместе с тем этот период характеризуется также дальнейшим обострением классовых противоречий и классовой борьбы, в том числе и борьбы в области идеологической. В связи с тем, что марксизм все более и более доказывал свою жизненность и всемерно историческую правоту, пускал все более глубокие корни среди рабочего класса, против него усилилась буржуазно-идеалистическая реакция.

Идеологи и теоретики буржуазии специализируются не только на бесчисленных и бесплодных опровержениях марксизма, но они стараются выхолостить из марксизма его революционно-критическое содержание, приспособить его ко вкусам и интересам буржуазии.

Вслед за идеологами буржуазии шли и ревизионисты.

Диалектика истории оказалась таковой, отмечал Ленин, что внутренне сгнивший буржуазный либерализм оживил себя в виде социалистического оппортунизма и пытался подорвать марксизм изнутри.

Философский ревизионизм и явился одной из форм борьбы против марксизма внутри марксизма. Ленин подчеркивал, что идейное содержание ревизионизма полностью сводилось к повторению пошлостей буржуазной профессорской науки против марксизма.

Заслуга Плеханова в истории марксизма состоит в том, что из теоретиков II Интернационала он явился наиболее последовательным и непримиримым борцом против философского ревизионизма. В то время, когда такие вожди и теоретики II Интернационала, как Каутский, допускали возможность соединения экономической и исторической теории Маркса с неокантианством, с махизмом, Плеханов выступил с критикой ревизионизма Бернштейна, Шмидта, Струве и др. При этом статьи Плеханова, направленные против Бернштейна, встречали сопротивление со стороны Каутского, который затягивал их печатание и настаивал на том, чтобы смягчить тон выступлений против Бернштейна.

Правда, у Плеханова были известные колебания в отношении ревизионистов, и в частности в отношении русской разновидности ревизионизма — «легального марксизма». Об этих колебаниях свидетельствуют первый вариант неопубликованной статьи «Об эконо-

мическом факторе», а также и то, что он медлил с выступлением против «легальных марксистов».

Но несмотря на некоторые колебания и непоследовательность Плеханов отстаивал диалектико-материалистическое мировоззрение, внутреннюю целостность марксизма и единство его составных частей. Критикуя колебания и нерешительность Плеханова, проявленные им в борьбе с философским ревизионизмом, Ленин наряду с этим отмечал, «что единственным марксистом в международном социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов» (В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 19).

Разоблачая сущность и содержание ревизионизма, Плеханов правильно подчеркивал, что историческая миссия ревизионистов заключается в стремлении устранить из марксистской теории ее революционное содержание. Чтобы не угрожать идеологическим устоям буржуазии, не пугать ее ужасами насильственной революции, «критики» Маркса очищают теорию Маркса от всех тех положений, которые могут служить пролетариату духовным оружием в его революционной борьбе с буржуазией.

«Диалектика, материализм, учение об общественных противоречиях, как стимуле общественного прогресса; теория стоимости вообще и теория прибавочной стоимости — в частности, социальная революция, диктатура пролетариата, — все эти необходимые составные части марксова научного социализма, без которых он утрачивает все свое существенное содержание, объявляются *второстепенными частностями*, не соответствующими нынешнему состоянию науки, тенденциозными, утопичными и потому подлежащими ампутации в интересах беспрепятственного развития основных положений того же мыслителя. «Маркс против Маркса!». «Критическая» работа «непрерывно» продолжается. И мало-помалу из горнила «критики» выходит такой Маркс, который, мастерски доказывая историческую необходимость *возникновения капиталистического способа* производства, обнаруживает очень большой скептицизм во всем том, что касается замены капитализма социализмом. Из *Маркса-революционера* «критика» ухитряется сделать *Маркса почти консерватора*» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 274). Плеханов показал бесплодность и эклектичность попыток соединить марксизм и в частности материалистическое понимание истории с кантианством, с махизмом или с какой-нибудь иной разновидностью идеалистической философии.

Плеханов раскрыл внутреннюю целостность диалектико-материалистического мировоззрения Маркса и Энгельса.

Материалистическое объяснение истории, отмечал Плеханов, хотя и является одним из главных признаков марксизма, тем не менее оно является все-таки только частью общего материалистического мировоззрения его основоположников.

Материалистическое мировоззрение Маркса — Энгельса, доказывал Плеханов, включает в себя материалистическое объяснение явлений не только общественной жизни, но и природы, оно включает в себя, наконец, теорию развития — диалектику.

Ревизионисты, а затем и махисты, путем различного рода фальсификаций стремились доказать несостоятельность, односторонность материалистической теории объяснения мира. Они софистически смазывали различие между материализмом и идеализмом, утверждая, что и та и другая теория якобы исходит из тождества мышления и бытия. Используя большой историко-философский материал, Плеханов показал, что материалистический монизм коренным образом отличается от монизма идеалистов. В то время, как идеализм так или иначе сводит бытие к мышлению, отождествляет материальное с идеальным, материализм признает единство мышления и бытия, духа и природы субъекта и объекта. Разъясняя далее сущность материалистического монизма, Плеханов подчеркивал, что материализм — это такое учение, которое объясняет природу ее собственными силами и закономерностями. Согласно материалистическому решению основного вопроса философии не бытие происходит из мышления, а мышление из бытия; бытие, природа, материя являются основой и субъектом всех изменений, а мышление или дух — предикатом. Мышление или сознание возникает лишь на определенной ступени развития природы или материи. Однако в решении вопроса о возникновении сознания Плеханов в известной мере скатывался на позиции гилозоизма, поскольку допускал в качестве предпосылки мышления всеобщую одушевленность материи (см. Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 25).

В борьбе с ревизионизмом Плеханов раскрыл и другую особенность или сторону философии марксизма. Марксистская философия является не просто материалистической философией, говорил Плеханов. Она есть диалектический материализм. Ревизионисты и другие враги марксизма с особой ненавистью относились к материалистической диалектике и всячески старались опорочить, извратить ее революционно-критическое содержание. Так, Бернштейн квалифицировал диалектику как помеху на пути к истинному познанию вещей, как схоластику и т. д.

В статьях Плеханова дана яркая и острая критика всех тех пошлостей, которые наговорили о диалектике ревизионисты.

Плеханов доказывал, что диалектика не только не препятствует трезвому отношению к действительности, но только она и дает надежный ключ для достижения истины, ибо она учит к любому явлению или факту подходить конкретно. Основное требование диалектического метода в том и состоит, чтобы брать жизнь, действительность такой как она есть. Если Маркс и Энгельс превратили социализм из утопии в науку, то они сделали это благодаря диалектическому методу, которым мастерски пользовались при анализе явлений общественной жизни.

Величайшую заслугу Маркса Плеханов усматривал в том, что он снял с диалектики мистическое покрывало, которым она была окутана у Гегеля, поставил ее на ноги и тем самым обнажил ее революционный характер. Плеханов показал несостоятельность, вздорность утверждения, что диалектика будто бы несовместима с материализмом.

«В основе нашей диалектики, — писал Плеханов, — лежит материалистическое понимание природы. Она на нем держится; она упала бы, если бы суждено было пасть материализму. И, наоборот. Без диалектики неполна, одностороння, скажем больше: невозможна материалистическая теория познания» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 268).

Раскрывая существо материалистической диалектики, Плеханов предостерегал от каких бы то ни было попыток отождествить ее с вульгарной метафизической «теорией эволюции», признающей лишь постепенность в развитии.

В отличие от вульгарной «теории эволюции» диалектико-материалистическая теория развития предполагает неизбежность и закономерность скачков, прерывов постепенности в процессе развития и наличие внутренних противоречий, как источника развития. Плеханов часто повторял вслед за Гегелем известное диалектическое положение о том, что противоречие ведет вперед и без противоречий нет развития. Плеханов показал также, что постепенные изменения не только не исключают, но обязательно предполагают в качестве своего завершения скачки, прерывы постепенности.

Социальные революции в истории человечества являются таким же существенным моментом развития как и социальные эволюции. Если и можно принять утверждение, что история не делает скачков, то только в том смысле, что она не делает неподготовленных скачков.

Возражая легальному марксисту Струве, утверждавшему, что понятие социальной революции якобы не выдерживает критики, Плеханов писал: «Если понятие *социальная революция* не выдерживает критики, то спрашивается, как же быть с теми социальными революциями, которые уже совершались в истории? Считать ли их *несовершившимися* или признать, что они не были революциями в том смысле, какой придают этому слову правоверные марксисты? Но если мы даже и скажем, что, например, Великая Французская революция на самом деле вовсе не имела места, то ведь этому вряд ли кто поверит» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 245—246).

В связи с этим Плеханов разъяснял, что основой социальной революции является вполне реальное противоречие — противоречие между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями. В работах Плеханова раскрыта диалектика развития производительных сил и производственных отношений.

Плеханов показал, что ревизионисты и другие враги марксизма нападают на диалектику не потому, что она противоречит данным

науки или не подтверждается ими, а потому, что из диалектического взгляда на действительность вырастают такие общественно-политические выводы, которые пугают буржуазию и ее просвещенных теоретиков.

Поэтому критики марксизма в своих нападках на диалектику руководствуются совсем не теоретическими соображениями.

«До теории господам «критикам», в сущности, очень мало дела. Им нужно побороть или хотя бы только ослабить известную практическую тенденцию: *революционную тенденцию* передового пролетариата» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 257). И далее, обнажая действительный общественно-политический смысл выступлений Бернштейна против диалектики. Плеханов писал: «Если г. Бернштейн отказался от *материализма* для того, чтобы не «угрожать» одному из идеологических интересов буржуазии, который называется *религией*, то его отказ от *диалектики* вызван был его нежеланием пугать ту же буржуазию *ужасами насильственной революции*» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 58—59).

Плеханов одним из первых в международном социалистическом движении требовал исключения Бернштейна из рядов социал-демократической партии.

Ревизионисты отказываются от диалектики материализма и призывают вернуться «назад к Канту» для того, чтобы обескровить материалистическое понимание истории и прежде всего теорию научного социализма, превратить социализм из науки в абстрактную беспочвенную мечту, в этический идеал, не опирающийся ни на какие эмпирические данные.

Поэтому на практике ревизионисты являются самыми настоящими реформистами, а их социализм оказывается ничем иным, как реформированным капитализмом, беспрерывным штопанием дыр капитализма.

Плеханов разоблачил один из основных и наиболее модных аргументов буржуазных критиков марксизма, согласно которому в ходе развития капитализма происходит будто бы не обострение, а сглаживание классовых противоречий и поэтому марксистская теория социальной революции якобы не выдерживает критики.

Работы Плеханова конца девяностых, начала 900-х годов, направленные против ревизионизма, сыграли огромную роль в защите и разъяснении основных положений философии марксизма. Теоретические аргументы Плеханова, направленные против ревизионизма в защиту философии марксизма, не потеряли своей актуальности и в наши дни. Они и в наши дни могут быть использованы в борьбе против современной реакционной буржуазной философии, в борьбе против правосоциалистической идеологии.

Борьбу с философским ревизионизмом Плеханов продолжал и в последующие годы. Не мало страниц посвящено критике ревизионизма в таких работах, как «Основные вопросы марксизма», «Философская эволюция Маркса», «Предисловие ко второму изданию брошюры Энгельса «Людвиг Фейербах» и др. Как и прежде, Плеханов

продолжает отмечать жалкие попытки эклектиков соединить марксизм с той или иной разновидностью идеализма. Плеханов по сути дела повторяет или дополняет теоретические аргументы, высказанные им раньше. Вместе с тем эта критика уже существенно отличалась от той, которая проводилась им раньше. Отличие состояло в том, что она стала носить более беспристрастный, объективистский, академический характер. Если в работах конца 90-х, начала 900-х годов Плеханов критикует ревизионизм не только с точки зрения теоретической, но и политической, то теперь от политической квалификации ревизионизма Плеханов или воздерживается или говорит очень глухо, лишь намеками. Попытки соединить марксизм с той или иной разновидностью идеализма Плеханов охотнее объясняет теперь не обострением классовой борьбы, т. е. не причинами социально-политическими, а слабостью мысли, непониманием марксизма, неспособностью строго и последовательно держаться одного принципа при выработке мировоззрения и т. д.

Более того, критику ревизионизма Плеханов нередко старался использовать теперь в своих фракционных меньшевистских целях для дискредитации большевизма, для предъявления большевизму необоснованных теоретических и политических обвинений.

Критика ревизионизма органически связана в работах Плеханова с критикой идеализма вообще.

В конце XIX и начале XX века, в связи с социальными сдвигами, совершившимися в эпоху империализма, в буржуазной философской литературе наметился крутой поворот в сторону субъективного идеализма. Возникают различные модные течения субъективно-идеалистической философии — неокантианство, позитивизм, махизм и т. д. Все эти течения, несмотря на различия в частности, сходились в главном и существенном — в отказе от научного объяснения явлений материального мира, в отрицании объективной закономерности, в принижении роли разума и т. д. Все эти направления буржуазной идеалистической философии являлись прямой противоположностью не только материализму, но они были попятным движением и по сравнению с объективно-идеалистической философией Гегеля, в которой хотя и в уродливой, мистифицированной форме, но была провозглашена идея объективной закономерности и несокрушимая вера в силу человеческого разума.

Из этого арсенала идей реакционной буржуазной философии черпали свои аргументы против марксистской философии и ревизионисты. Поэтому вполне естественно, что Плеханов при разоблачении теоретического убожества ревизионизма, не раз останавливается и на критике некоторых направлений буржуазной идеалистической философии.

Что же характерно в подходе Плеханова к критике идеализма?

Обладая огромной эрудицией и замечательным полемическим талантом, Плеханов мастерски умел обнажить внутреннюю противоречивость и логическую несостоятельность субъективного идеализма.

Именно с этих позиций Плеханов и критиковал кантианство, махизм и другие направления идеалистической философии.

Плеханов показал, что кантианство, с которым ревизионисты хотят соединить марксизм, несовместимо с теорией развития и ведет к неразрешимым логическим противоречиям.

По мнению Канта явление вызывается действием вещи на нас и, следовательно, действие вещи в себе служит причиной явления. А между тем по учению того же Канта категория причинности применима только к миру явлений.

Если пространство и время являются только субъективными формами нашего созерцания, а причинность — категорией рассудка и им ничто не соответствует в объективном мире, то, следовательно, нельзя говорить об объективном взаимодействии и развитии, которое совершается в пространстве и во времени. Но этим самым философия Канта вступает в вопиющее противоречие с естествознанием, признанным теорией развития.

Из этого противоречия, отмечал Плеханов, может быть только два выхода, — или признать причинность, пространство и время, применимыми к миру вещей в себе, к объективной реальности, и пойти по линии материализма, или же окончательно встать на путь субъективного идеализма, что и было сделано Фихте.

«Словом, другого выхода нет, — писал Плеханов, — или субъективный идеализм, последовательно приводящий к солипсизму (т. е. к признанию того, что другие люди существуют лишь в моем представлении), или отказ от кантовских посылок, отказ, логическим завершением которого должен быть переход на точку зрения материализма» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 392).

Плеханов показал, что субъективный идеализм, доведенный до своего логического конца, неизбежно приводит в тупой переулоч солипсизма, т. е. к отрицанию существования всех людей, кроме философствующего индивида.

В 1908 г. Плеханов выступил с критикой эмпириомонизма Богданова. В письмах Богданову, озаглавленных под общим названием «Materialismus militans» Плеханов показал, что махизм, в том числе и эмпириомонизм Богданова, представляют собой разновидность субъективного идеализма и что эта философия не имеет никакого отношения ни к современному естествознанию, ни к диалектическому материализму. «... Махизм, — отмечал Плеханов, — есть лишь берклезизм, чуть-чуть переделанный и заново перекрашенный под цвет «естествознания» XX века» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 58). Плеханов остроумно и ярко показал, к каким абсурдам и нелепостям приводят философские послылки махизма.

Если признать, разъяснял Плеханов, что тела являются логическими символами для комплексов ощущений, а физический мир представляет собой социально-организованный опыт и его объективность состоит лишь в общезначимости, то можно прийти к оправданию любой нелепости, любой чертовщины и любого произвола.

Плеханов подчеркивал далее, что махизм, будучи разновидностью субъективного идеализма, не может быть духовным оружием пролетариата и знаменем прогресса. «Оружие, выкованное Вами, г. Богданов, совсем не годится для передовых людей: оно обеспечивает им не победу, а поражение. Хуже того. Сражаясь этим оружием, они сами превращаются в рыцарей реакции, прокладывая дорогу для мистцизма и всякого рода суеверия» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 99).

Однако несмотря на огромное значение и важность философских работ Плеханова, посвященных защите и обоснованию марксизма, критике идеализма, они страдали рядом существенных недостатков. Плеханов остроумно, резко и справедливо критиковал кантианство, махизм и другие идеалистические течения философии, раскрывая их несовместимость с марксизмом. Но его критика указанных философских направлений была неполной, односторонней, поскольку в своей критике он, как правило, не выходил за рамки выяснения внутренней логической непоследовательности и противоречивости идеализма.

Плеханов воюет с антиматериалистическими теориями, оставаясь по преимуществу в сфере философии, ограничиваясь сугубо теоретическим опровержением идеалистических подделок под марксизм. Выяснение теоретической несостоятельности идеализма, его внутренней противоречивости является необходимой частью научного исследования. Но это все-таки только часть.

Критикуя идеалистическое учение о тождестве мышления и бытия, раскрывая противоположность материализма и идеализма, Плеханов справедливо отмечал, что в решении основного вопроса философии Маркс и Энгельс примыкают к предшествующим материалистам. Но при этом Плеханов односторонне напирал на общность черт материализма Маркса и Энгельса с предшествующим материализмом, на то, что материалистическая теория Маркса есть разновидность или род Спинозизма и таким образом смазывал качественное отличие марксистской материалистической философии. Поэтому складывается такое впечатление, что Плеханов защищал не столько диалектический материализм, сколько материализм вообще или домарксовский материализм.

Учение Спинозы о субстанции, обладающей атрибутами протяжения и мышления, Плеханов фактически выдавал за марксистское материалистическое учение. При этом сам же Плеханов отмечал, что единая субстанция Спинозы — «одновременно и вещественна, и духовна» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 53). Плехановым были допущены и другие ошибки в истолковании теории познания марксизма. В частности в работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин подверг критике теорию иероглифизма, квалифицируя ее как уступку агностицизму.

Плеханов справедливо подчеркивал, что марксистская философия есть не просто материализм, а диалектический материализм и посвятил много сил и труда обоснованию и защите диалектики.

Однако существенная ограниченность работ Плеханова состояла в том, как отмечал Ленин, что в них не дана теория диалектики, не раскрыта диалектика как философская наука.

Плеханов талантливо с большим мастерством иллюстрировал диалектику, как теорию развития, примерами, взятыми из естествознания и общественных наук. Наряду с этим он настаивал и на необходимости применения диалектики к теории познания. Но Плеханов не понял того, что в марксистской философии диалектика и теория познания совпадают и что в марксизме, следовательно, никакой отличной от диалектики теории познания не существует. Наиболее общие законы движения и развития материального мира, формулируемые в диалектике, одновременно и являются законами теоретического мышления, законами познания. Поэтому законы диалектики имеют прежде всего методологическое, гносеологическое значение.

«Диалектика, — писал Ленин в «Философских тетрадах», — и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» (В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 327).

Критикуя ревизионистов махистского толка, Плеханов справедливо отметил попытки выдать махизм за философию новейшего естествознания. Но вместе с тем несомненно было и то, что махисты спекулировали, паразитировали на достижениях естествознания, изображая свою философию «философией новейшего естествознания» и т. д.

В работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин отмечал, что определенная связь между новой физикой и махизмом существует. Поэтому нельзя было разоблачить махизм и отстоять диалектический материализм без серьезного философского обобщения достижений естествознания конца XIX и начала XX веков. Плеханов же обошел достижения естествознания, не вскрыл сущности кризиса естествознания, общественно-исторических и гносеологических его причин и поэтому его критика махизма оказалась более остроумной, чем построенной на данных современного ему естествознания.

«Разбирать махизм, — писал по этому поводу Ленин, — игнорируя эту связь, — как делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса» (В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 238).

Нельзя назвать принципиальной позицию Плеханова и тогда, когда он выдавал махистскую философию за философию большевизма, а политическую линию большевизма за бланкизм.

* * *

Одним из основных философских вопросов, который стоял в центре внимания Плеханова, являлся вопрос об отношении марксизма к предшествующему идейному материалу. В своих работах Плеханов не просто излагает основные принципы марксизма, существо

диалектико-материалистического мировоззрения, как явления самодовлеющего, но постоянно ставит вопрос о том, в какой связи находятся марксизм и предшествующая философская и общественная мысль, какую роль сыграли передовые философские и исторические теории прошлого в возникновении марксизма. Осмыслить и обосновать марксизм в качестве необходимого логического звена в развитии общественной мысли, доказать, что передовые направления теоретической мысли неизбежно в своем развитии приводили к марксизму, диалектическому и историческому материализму — в этом заключалась одна из коренных методологических установок, пронизывающих все основные философские работы Плеханова.

Враги марксизма пытались дискредитировать марксизм тем, что изображали его учением узким и односторонним, никак не связанным с достижениями теоретической мысли прошлого. В показе того, что марксистская философия не является какой-то случайностью, выскользнувшей неизвестно откуда, но есть закономерный продукт развития предшествующей мысли, состоит одна из огромных заслуг Плеханова. Марксизм, постоянно и энергично подчеркивал Плеханов, впитал в себя все лучшее из идейного материала прошлого, он явился итогом, синтезом достижений теоретической мысли XVIII и XIX веков, их логическим завершением.

«Марксово понимание истории, — писал Плеханов, — которое невежды считают *узким и односторонним*, в действительности есть законный продукт векового развития исторических идей. Оно содержит их все, поскольку они имеют действительную ценность, и придает им более прочное основание, чем то, какое они имели в какой либо период своего расцвета. Поэтому оно, употребляя уже цитированное выражение Гегеля, самое *развитое, богатое и конкретное*» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 146).

Именно при обосновании этой мысли Плеханов не раз обращался и к идейному наследию французских материалистов и историков эпохи реставрации, и к утопическому социализму, и к немецкой философии конца XVIII и начала XIX века.

Заслуга Плеханова, как историка философии, прежде всего состояла в том, что он являлся страстным пропагандистом материалистической линии в философии. В то время, когда в модных и широко распространенных курсах истории философии материалистическая линия замалчивалась или извращалась, изображалась элементарной и грубой формой мышления, Плеханов настойчиво разъяснял сущность материализма и защищал его от фальсификации. Так, Плеханов выступил в защиту французского материализма XVIII века от извращений его неокантианским историком философии Ланге, неокантианцами — ревизионистами Бернштейном, Шмидтом и др. Плеханов показал также несостоятельность попыток представить материализм Фейербаха в духе идеализма, махизма или позитивизма.

Основную заслугу Фейербаха Плеханов усматривал вслед за Марксом и Энгельсом в том, что он восстановил материализм в своих правах и подверг решительной критике идеализм и религию.

Как же представлял себе Плеханов возникновение марксизма?

Как историк философии, Плеханов исходил из той посылки, что в развитии философской мысли существует своя внутренняя логика, свои особые, специфические закономерности. По мнению Плеханова, каждое новое поколение начинает в области теории с того, на чем остановилось предшествующее поколение, начинает с разрешения тех вопросов, которые или уже были поставлены и не решены, или же неудовлетворительно решены. Следовательно, чтобы понять, почему возникает та или иная философская теория, для этого необходимо прежде всего хорошо изучить предшествующую философскую мысль.

«...Чтобы понять «состояние умов» каждой данной критической эпохи — писал Плеханов, — чтобы объяснить, почему в течение этой эпохи торжествуют именно те, а не другие учения, надо предварительно ознакомиться с «состоянием умов» в предыдущую эпоху. Без этого мы совсем не поймем умственного состояния данной эпохи, как бы хорошо мы не знали ее экономию» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 215).

Исходя из этой методологической установки, Плеханов и рассматривает в одном из своих главных произведений «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» — становление материалистического понимания истории. «Чтобы понять исторические взгляды Маркса, — говорит Плеханов, — нужно припомнить, к каким результатам пришли философия и общественно-историческая наука в период, непосредственно предшествовавший его появлению» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 159).

Основная мысль, которая проводится Плехановым в названной работе, состоит в том, что французский материализм XVIII в., общественные теории историков времен реставрации, социалистов-утопистов и немецкая идеалистическая философия в лице Гегеля образуют в логическом отношении последовательную цепь восходящего развития, в котором марксизм выступает заключительным звеном. Каждое из названных направлений общественной мысли, опираясь на предшествующий идейный материал, глубже проникало в закономерный ход исторического процесса и таким образом все ближе подходило к материалистическому объяснению истории.

Французские материалисты пришли, как известно, к тому выводу, что человек со всеми своими мыслями и стремлениями есть продукт окружающей общественной среды. Но чтобы прочно обосновать материалистическое учение о человеке, необходимо было идти дальше и выяснять, что представляет собою общественная среда, каковы законы ее развития. Французские материалисты не смогли решить этого вопроса и вынуждены были возвратиться к идеалистической точке зрения о том, что среда есть продукт мнения людей.

Историки времен реставрации пошли дальше и попытались дать анализ самой общественной среды. В результате они пришли к выводу о том, что «гражданский быт», «имущественные отношения»,

«состояние собственности» составляют основу общественного строя и политических конституций в частности. К такому же выводу пришла и немецкая философия в лице Гегеля, — пришла вопреки своему идеалистическому духу, в силу недостаточности идеалистического объяснения истории.

Но вместе с этим, говорит Плеханов, возникал новый вопрос, не разрешив которого общественная наука не могла двигаться дальше: от чего зависят имущественные отношения, состояние собственности? Ни французские историки, ни Гегель не могли удовлетворительно ответить на этот вопрос прямо или косвенно, ссылаясь в конечном счете на свойства человеческой природы или же на свойство идеи.

Историческая заслуга Маркса состоит в том, что он преодолел непоследовательность своих предшественников и взглянул на самую человеческую природу как на величину переменную и зависимую.

Усвоив результаты научного знания и философской мысли своей эпохи, Маркс впервые обосновал то коренное положение, что экономические отношения людей обуславливаются уровнем развития или состоянием производительных сил.

Историческая теория Маркса явилась, таким образом, единственным логическим выводом из тех противоречий, в которых путались предшествующие мыслители.

Эта точка зрения плавного, постепенного становления материалистического понимания истории проводится Плехановым не только в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», но и в «Очерках по истории материализма», а также в последующих работах, написанных уже в период меньшевизма. Анализируя философско-исторические взгляды Гизо, Тьерри и Гегеля в «Очерках по истории материализма», Плеханов делает вывод: «Задача *диалектического материализма* была предначертана, таким образом, заранее» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 145).

При анализе идейно-теоретических предпосылок возникновения марксизма особенно большое внимание уделяет Плеханов оценке взглядов Гегеля и Фейербаха. И это не случайно.

В отличие от ученых лакеев буржуазии, которые третировали Гегеля, боялись его теоретических принципов, звали назад к Канту, Плеханов в своих работах старался разъяснить новаторский дух философии Гегеля, показать его как родоначальника прогрессивных идей.

«Было время, — писал Плеханов, — когда против Гегеля восставали те, кто более или менее принадлежал к новаторскому лагерю. Их отталкивало от философа его филистерское отношение к прусской действительности того периода. Эти противники Гегеля сильно ошибались: из-за реакционной *оболочки* они не заметили в этой системе ее новаторского ядра. . .

. . . В наше время осуждают Гегеля ученые представители буржуазии и осуждают потому, что понимают, или, по крайней мере, инстинктивно чувствуют новаторский дух его философии» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 53).

Величайшую заслугу Гегеля в развитии философской мысли Плеханов видел в том, что он смотрел на все явления с точки зрения их развития, т. е. создал диалектический метод. При этом Плеханов подчеркивал, что у Гегеля диалектика органически была вплетена в его идеалистическую систему, которая претендовала на абсолютную истину. Вслед за классиками марксизма Плеханов подчеркивал, что из идеалистической системы необходимо вытекал политический консерватизм Гегеля, так как абсолютной истине, найденной в философии Гегеля, должен соответствовать и абсолютный общественный порядок.

Критикуя идеализм Гегеля, вскрывая внутреннюю противоречивость философии Гегеля, Плеханов сосредоточивает свое внимание прежде всего на выяснении прогрессивно-исторической роли Гегеля, как создателя диалектического метода. Плеханов едко и справедливо высмеивал тех людей, которые ограничивают критику гегелевской философии пожатием плеч по поводу ее крайнего идеализма.

Между тем именно диалектический метод, хотя и разработанный на базе идеализма, явился решающим в философии Гегеля и важнейшим завоеванием теоретической мысли XIX века.

Благодаря диалектике, отмечал Плеханов, идеалистическая философия Гегеля содержала в себе неопровержимое доказательство несостоятельности идеализма и необходимо вела к материализму.

В работах Плеханова, в особенности таких, как «Основные вопросы марксизма» и «От идеализма к материализму», подробно обосновано положение о том, что внутренняя логика развития немецкой идеалистической философии от Канта до Гегеля неизбежно приводила к материализму.

В лице Фейербаха немецкая философия порвала с идеализмом и стала материалистической. Но чтобы понять, как это произошло и почему это должно было произойти, говорит Плеханов, надо выяснить то движение мысли, которое привело немецкую философию к абсолютному идеализму Гегеля.

Философия Канта была дуалистической, поскольку в ней мир явлений резко противопоставлен миру вещей в себе, человек — природе, субъект — объекту. Но философия, если она действительно хочет быть последовательной, не может удовлетвориться дуализмом, она стремится к монистическому решению основного вопроса философии. Внутренние противоречия философии Канта хотел устранить Фихте, объявивший, что природа, объект не существует независимо от субъекта, от *Я*, но является результатом творческой деятельности сознания и существует только в сознании. *Я* противопоставляет себя самому себе и тем полагает не = *Я*.

Хотя решение основного вопроса в системе Фихте было дано последовательное, монистическое, но оно было крайне одностороннее. Оно превращало реальный мир в фантазию, в иллюзию. Провозглашение конечного человеческого *Я* в качестве творца природы, говорит Плеханов, было нелепостью, с которой не мог согласиться ни один серьезный мыслитель.

Поэтому ученик Фихте Шеллинг вынужден был критически пересмотреть систему Фихте и пойти дальше. Исправляя учение Фихте, Шеллинг взглянул на природу как на результат бессознательной деятельности не конечного человеческого Я, а бесконечного субъекта, абсолютного Я. Это бесконечное Я творит природу в процессе бессознательной деятельности, причем оно порождает как природу, так и конечное человеческое Я. Само же оно не есть ни субъект, ни объект или, иначе говоря, и субъект, и объект, их тождество.

Система Гегеля явилась дальнейшей критической разработкой философии тождества Шеллинга. Несмотря на существенное отличие философии Гегеля от философии Шеллинга, эти два мыслителя сходились в главном — в идеалистическом решении вопроса об отношении мышления к бытию.

Идеалистический монизм, получивший в системе Гегеля самое стройное выражение, окончательно обнаружил свою несостоятельность, одностороннюю природу, поскольку все свел к мышлению. «У кого все сводится к мышлению, — писал Плеханов, — тот, конечно, монист. Но его монизм не решает вопроса об отношении субъекта к объекту, мышления к бытию, а *уклоняется от его решения*, совершенно произвольно зачеркивая одно из условий задачи. Фейербах, бывший сначала восторженным учеником Гегеля, впоследствии заметил эту слабую сторону *идеалистического* монизма, и тогда он стал материалистом» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 165).

Таким образом, переход от идеализма к материализму изображается Плехановым как процесс логический, обусловленный внутренним ходом развития самой философии.

Плеханов в своих работах не раз подчеркивал, что марксизм является самым надежным критерием при оценке той или иной философской системы. С точки зрения марксизма, материалистического понимания истории идеи любой эпохи представляют собой порождение социальных условий, т. е. в конечном счете экономических отношений. Изложить историю идей, это значит объяснить, как и каким образом идеи той или иной эпохи были порождены социальными условиями.

Но при конкретном исследовании Плеханов отступил от этого важнейшего требования марксизма и становился на путь рассмотренной истории философии как чисто логического процесса.

Как историк философии Плеханов справедливо отгораживался от вульгарно-социологической точки зрения на историю философии, и вполне законно критиковал шулятиковщину. Марксизм, требующий классового анализа философских теорий и учений, действительно не имеет ничего общего с попыткой вывести философские учения, понятия, категории непосредственно из производства или из отношений производственно-технических. Но, борясь против этой вульгаризации материалистического метода, Плеханов впадает в другую крайность и фактически игнорирует принцип партийности, классовости философии.

Высказывания Плеханова о социально-классовой природе философских теорий носят отрывочный и случайный характер. Отвлекаясь от социально-классовой обусловленности философских учений, Плеханов гораздо охотнее рассматривал историю философской мысли, как процесс саморазвития идей, как такой процесс, где одна философская теория внутренне ведет к другой, порождает и обуславливает другую.

Абстрактно-логический подход Плеханова к вопросам истории философии, выразившийся в недооценке материальной основы идеи и теории, наиболее рельефно сказался при освещении проблемы возникновения марксизма, диалектического и исторического материализма.

Правда, Плеханов иногда замечает, что Маркс и Энгельс, создав диалектический и исторический материализм, совершили революцию в философии. Но при конкретном анализе это важнейшее положение у него повисает в воздухе. Вопрос об общественно-исторических, классовых предпосылках возникновения марксизма при конкретном исследовании Плеханов отодвигает в сторону и возникновение марксизма рассматривается им как процесс логический, обусловленный предшествующим идейным материалом. Поэтому в методологическом отношении даже одна из лучших его работ «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой рассматривается становление материалистического понимания истории, страдает серьезными недостатками. А в философских работах, написанных в период и после революции 1905 года, эта методологическая установка Плеханова выступает в еще более обнаженном виде. Марксизм, подчеркивает Плеханов, явился результатом развития и последовательного применения основных теоретических принципов, уже выработанных предшествующей философской мыслью.

«Материализм Маркса и Энгельса, — писал Плеханов в «Основных вопросах марксизма», — представляет собой более развитое учение, нежели материализм Фейербаха. Но материалистические взгляды Маркса и Энгельса развивались в том самом направлении, которое указывалось внутренней логикой философии Фейербаха» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 197).

В работах «Основные вопросы марксизма» и «От идеализма к материализму» Плеханов по сути дела смазывает качественное отличие марксистской теории познания от теории познания Фейербаха. Вопрос о роли практической деятельности в познании, вопрос об активной роли субъекта, органически связанный с материалистическим пониманием истории, Плеханов сводит лишь к гениальной поправке, сделанной Марксом под влиянием духа времени к гносеологии Фейербаха. А между тем ясно, что пока не было открыто материалистическое понимание истории, пока не было доказано, что практическая производственная деятельность составляет основу всей истории, не могла быть прочно обоснована и материалистическая теория познания. Поэтому в тезисах Маркса о Фейербахе речь шла не о ге-

ниальной поправке, подсказанной духом времени, как утверждает Плеханов (Соч., т. XVIII, стр. 191)), а о принципиально новом миро-созерцании, базирующемся на материалистическом понимании истории.

Точно так же Плеханов пытается вывести и материалистическое понимание истории из общеполитического материализма Фейербаха.

Плеханов не раз и с большим сочувствием цитировал и разъяснял положения Фейербаха о единстве Я и Ты, субъекта и объекта, направленные против идеалистической теории тождества мышления и бытия. Но при этом Плеханов делал ошибочный вывод о том, что в этих правильных с общеполитической точки зрения положениях уже содержался исторический материализм, что Маркс и Энгельс создали исторический материализм в результате последовательного приложения учения Фейербаха о субъекте и объекте к области общественных явлений.

При этом Плеханов отвлекался от созерцательного характера материализма Фейербаха, от его антропологизма и натурализма в объяснении сущности человека и общественной жизни.

«Поэтому можно сказать, — писал Плеханов в одной из своих статей о Чернышевском, — что исторический материализм заключался в зародыше, *an sich*, чтобы употребить здесь выражение Гегеля И именно потому, что исторический материализм заключался *an sich* в материалистической философии Фейербаха, мы подчас встречаем у этого последнего такие замечания об исторической и общественной жизни человечества, которые имеют совершенно материалистический характер» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 352).

Классическая немецкая философия, крупнейшими представителями которой были Гегель и Фейербах, явилась одним из теоретических источников марксизма и становление философии марксизма — диалектического материализма — нельзя представить без нее. Но это не означает, что марксистская философия была создана Марксом и Энгельсом в результате синтеза и логического развития идей немецкой философии. Не столько внутренняя логика философских учений Гегеля и Фейербаха толкали Маркса и Энгельса к диалектическому материализму, материалистическому пониманию истории, сколько общественно исторические условия и прежде всего то, что появился совершенно новый класс — пролетариат, который был заинтересован в последовательно научном познании закономерностей мира.

Только встав на позиции пролетариата, Маркс и Энгельс дали научное обобщение достижений научно-теоретической мысли и создали диалектико-материалистическое мировоззрение, объясняющее без извращений природу и общественную жизнь. Тем более несостоятельны попытки вывести материалистическое понимание истории из принципов философского материализма. Материалистическое понимание истории создали Маркс и Энгельс путем конкретного и тща-

тельного изучения самой общественной жизни. Образцом такого кропотливого изучения общественной жизни является «Капитал», в котором исследованы законы развития капиталистической формации. Вместе с тем, говорил Ленин, именно здесь всесторонне обосновано материалистическое понимание истории, как единственно научная теория объяснения общественных явлений.

Плеханов не раз говорит в своих работах о несостоятельности теории «филиации идей». Но поскольку при конкретном исследовании он отвлекался от общественно-исторической и классовой основы идей, постольку фактически он скатывался на позиции этой теории, на путь отрыва логического от исторического. Из историко-философской схемы Плеханова с неизбежностью вытекал вывод о том, что духовный процесс, логическое образует особую линию развития, самостоятельную по отношению к процессу материальному.

На этой методологической основе в значительной степени построены и работы Плеханова по истории русской философии. Его работы по истории русской философии сыграли огромную роль в защите и пропаганде русской материалистической философии, и в частности материалистического наследия революционных демократов. Но Плеханов не смог раскрыть всего богатства и оригинальности русской материалистической философии.

Абстрактно-теоретическими положениями об идеалистическом характере просветительства вообще Плеханов заслонил вопрос об особенностях революционно-демократического просветительства, о месте и объективно-историческом значении русской революционно-демократической идеологии в классовой борьбе середины XIX века.

Свое отношение к методологии Плеханова Ленин ясно высказал в замечаниях на его книгу о Чернышевском.

Основной порок книги Плеханова «О Чернышевском» Ленин усматривал в том, что «из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически — политическое и классовое различие либерала и демократа» (Ленинский сборник, XXV, стр. 231).

* * *

Несмотря на противоречивость, идейное наследие Плеханова стало прочным завоеванием русской и мировой культуры. Колебания, ошибки, непоследовательность отнюдь не отменяют того, что Плеханов отдавал всю силу своего таланта делу освобождения трудящихся, светлым идеалам будущего.

Выражая отношение Коммунистической партии и молодого социалистического государства к идейному наследию Плеханова, Ленин писал в работе «Еще раз о профсоюзах», что «нельзя стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 73).

Философские работы Плеханова являются серьезным пособием при изучении теории марксизма и их необходимо знать. Но тщательное изучение философского наследия Плеханова не означает того, что оно принимается целиком, без разбора. Ленин учил, что марксисты хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу.

Изучение этого наследия предполагает и включает в себя критическое к нему отношение, критическое его усвоение. Марксизм-ленинизм безусловно берет все ценное, что содержится в трудах Плеханова и что является прочным завоеванием теоретической мысли; но марксизм-ленинизм отменяет из его наследия все то, что является отступлением от научно-материалистического мировоззрения, что мешает осознанию и выполнению исторической миссии рабочего класса и трудящихся масс.

В статье «Памяти Герцена» Ленин указывал, что рабочая партия чествует Герцена в отличие от либеральных болтунов не для обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения действительного исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции (см. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 9).

Это положение Ленина является путеводным и при оценке Плеханова, принадлежавшего к иной исторической эпохе и действовавшего в иных общественных условиях.

Советский народ чествует Плеханова не для того, чтобы замазать его слабые стороны, черты исторической ограниченности, а для того, чтобы сказать о его действительном месте в истории марксизма, о его действительной роли в истории русского и международного социалистического движения.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

И. М. Панюшев — Ленинская оценка философского наследия Г. В. Плеханова	3
И. М. Бычков — Ведущая роль советского народа в борьбе прогрессивного человечества за предотвращение войн в современную эпоху	33
Н. Я. Малахов — К вопросу о народности искусства	71
Б. Я. Пахомов — Свойства вещи и отражения их в понятиях	95
Е. А. Иванов — Основные функции определения	121
Б. В. Якушин — Структура слова и понятие	143
Г. К. Ашин — Реакционный характер теорий современных американских социологов о роли народных масс и личности в истории	175
А. Мысливченко — Западногерманский экзистенциализм и его классовая сущность	209

Д 1958 г.
Акт Р. П. - 563/11